

Мимолётная встреча

«Года на нём сказалась.

Да, время не щадит...»

Эмили Дикinson.

Свалка была почти в полной темноте. Единственным источником света был тусклый жёлтый фонарь по другую сторону ворот, свет которого ещё сильнее слабел из-за густого тумана. Откуда-то с реки донёсся гудок, ему ответил другой; из-за забора доносился гул машин на соседней улице. Вечер был холодный. Промозглый. На земле лежал иней, по мощёным камням вокруг полицейской будки растеклась небольшая лужа — необычное тепло этого странного объекта не давало ей взяться ледяной коркой. Синюю будку, прижавшуюся к железной лестнице, поднимавшейся по задней стене двора, в темноте почти не было видно, но в тени рядом с ней кто-то двигался.

Доктор стоял под лестницей и смотрел на то, как его дыхание превращается в пар и смешивается с туманом. Ледяной ночной воздух обжигал изнутри его горло и грудь. Он кашлянул в носовой платок и осмотрел его. Он понимал, что болен; он видел тревожные симптомы. Максимум, ещё сто лет. Простит ли его Сьюзен? Бедное дитя, бедное дитя...

Он убрал платок и, сердито щурясь, пошёл во двор; свет резал ему глаза. Он поднял свою трость и резко ткнул ею в валявшийся рядом мусор, подумав о расточительстве человечества.

«Иди ко мне...»

Голос. Снова. Далёкий шёпот, словно со дна пропасти. Он резко обернулся и посмотрел на ворота.

Ничего. Как и раньше, шёпот был у него в голове, а темнота скрывала только кошек.

Он подошёл к воротам и потянул их на себя сильнее, чем это было нужно; ржавые петли заскрипели, словно жалуясь на грубое обращение. На улице никого не было. Мяукнула кошка. Даже несмотря на туман, улица казалась темнее, чем должна была быть. У темноты была любопытная плотность; глубина, жизнь. *Старый маразматик*, — подумал он. *Это всё твой развеивающийся старый мозг*. Но он по-прежнему слышал этот зовущий далёкий голос.

«Я тут, ты меня знаешь...» — голос затих вдали, где-то в направлении главной улицы. Обернувшись на двор, он прикрыл ворота и пошёл на гул машин. Ему нужно поторопиться — школьные занятия через полчаса закончатся, и вскоре после этого Сьюзен вернётся. Ему не хотелось, чтобы она шла домой в

Отголоски будущего прошлого

темноте одна; он знал, какими жестокими бывают люди. Примитивы. Даже странно, как неожиданно у него с ней появилась эта эмоциональная связь. Наверное, это естественно после стольких лет одиноких странствий.

Иногда он стоял у её двери и смотрел, как она спит в уюте и чистоте комнаты, украшенной яркими портретами ярких «поп звёзд», едва веря в то, что она *его* внучка. Из этого, разумеется, следовало, что где-то должна была быть и дочь; но его сознание было заперто, и он не позволял себе рассуждать об этом. Он выругал ТАРДИС за то, что та отобрала его воспоминания, а затем выругал себя за то, что глупо позволил этому произойти. Даже самые наивные студенты знали, что ТАРДИС нападает на сознание любого, кроме её владельца и его знакомых.

Он остановился — остановился из-за этой мысли.

— Студенты?

Какие студенты, откуда? Он потёр лоб, словно пытаясь выдавить оттуда память, но это ничего не дало. Его кольцо блеснуло в свете мерцающего фонаря. Он глубоко вздохнул и посмотрел поперёк улицы, на начинавшийся там переулок. Что-то в тени. Что-то знакомое, но...

«Да, да. Я тут. Иди ко мне — настало время».

Он пересёк дорогу и остановился в начале переулка, рядом со знакомой, приземистой фигурой синей будки. Рядом с ней стоял невысокий мужчина; его шляпа была сдвинута на затылок, на левой руке висел зонт. Доктор проигнорировал мужчину, зачарованный продолжавшим предметом позади него: длинный ящик, похожий на гроб. Он чувствовал... чувства из него; волны устремлений и потерь, желания осуществить. Через мгновение он понял. Он посмотрел невысокому мужчине в глаза и незаметно вздрогнул. У невысокого мужчины были устрашающие безжизненные глаза, наполненные одновременно страданием и лукавством.

— Омега, — прошептал он, снова посмотрев на ящик.

— Да, — ответил другой он, двинув зонтом.

Он знал, что невысокий человек в некотором роде *он сам*. Он знал, что такая встреча невозможна, но его греяла мысль о том, что нет ничего невозможного.

— Я... ничего не помню, — сказал он, надеясь, что другой он что-нибудь объяснит.

Невысокий мужчина полез в карман и вынул знакомое кольцо, одел его себе на палец и показал его озадаченному молодому себе. Кольцо блестело гранями.

— Я слишком стар, чтобы быть первопроходцем, — сказал он, — хотя когда-то я им был, среди своего народа.

Между ними что-то прошло, от разума к разуму, от души к душе.

— Эта Вещь знает, что делать. Ты ничего не запомнишь. В чём дело?

На лице у седовласого Доктора был ужас.

— Это так необходимо? Это... это омерзительно.

— Ты не знаешь... всего. Пожалуйста, поверь мне и будь терпелив, — он посмотрел на молодого себя со своего рода меланхолией. Прошедшие дни.

— Сэр, у вас вид человека, который заканчивает свои дела... готовится к смерти. Это... моя судьба?

— Может, пройдём в кафе и поговорим?

— Я не могу, — но он хотел; он отчаянно хотел узнать, что сулит ему

будущее. — Сьюзен скоро вернётся.

Темнота смеялась. Невысокий человек молчал, на лице у него были тени. Он, казалось, напрягся, словно попытался шевельнуться и не смог.

Сьюзен...

Он покачал головой, вначале медленно, а затем энергично. Шагнув назад, стоя в тени, он смотрел на бывшего себя, на освещённом луной лице которого были растерянность и любопытство. Он скрылся в ТАРДИС, пока не передумал.

Доктор стоял в переулке, Вещь была у его ног, скрежет затихал. И в слабом ветерке, наполнившем освободившееся пространство, послышалось эхо плача.

Будущее такое, каким ты его создаёшь.

Ничто никогда не заканчивается.

Джон Саммерфилд
Перевод ssv310

